

Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в практике междисциплинарных исследований



English version: [Guseltseva M.S. Cultural-psychological analysis in practice of interdisciplinary studies](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Развивается понятие культурно-психологического анализа как инструмента междисциплинарной коммуникации психологии и ряда смежных наук; Государственная академия художественных наук (ГАХН) рассматривается как модель междисциплинарной коммуникации в отечественной культуре начала XX века; обсуждаются методологические проблемы взаимоотношения психологии и гуманитарного знания в целом.

Ключевые слова: методология, история психологии, культурно-аналитический подход, культурно-психологический анализ, междисциплинарный дискурс, Государственная академия художественных наук (ГАХН), Бахтин М.М., Винокур Г.О., Густав Шпет, культурная психология

Междисциплинарность как феномен истории науки и феномен культуры начала XX века

Методология гуманитарного познания сегодня как никогда востребована психологией. Такие известные западные ученые, как Дж.Брунер, Дж.Верч, Р.Харре, К.Герген, Р.Шведер, обсуждают возможности методологического продвижения психологии на пути ее сближения с историческим и герменевтически ориентированным знанием. Однако искать решение современных методологических проблем можно не только проектируя «науку будущего», но и осмысливая прошлое науки. Так, отечественные научные дискуссии начала XX века дают нам примеры как научной строгости, так и творческого «эkleктизма», «системного плюрализма», «методологического анархизма» и т.п., а постнеклассическая методология выступает в качестве исследовательской «оптики», позволяющей реально превратить культурно-психологическое знание в культурно-историческую психологию как науку [Гусельцева, 2003, 2007, 2008, 2009].

Сквозь призму этой оптики 1910–1920-е годы предстают эпохой не только духовных, социальных и методологических кризисов и активного взаимопроникновения идей философии и психологии, но и саморефлексии научных дисциплин, попыток решить методологические проблемы посредством расширения интеллектуального пространства, взаимообмена исследовательскими приемами. В ряде гуманитарных дисциплин (и среди них – психология, история, литературоведение) в это время происходила явная или неявная смена модели развития научного знания: от модели «пирамиды» (исходящей из следующих предпосылок: принцип монизма, единый центр как системообразующее основание знания, ведущий подход, эволюционизм, взгляд на историю науки как на путь проб и ошибок в движении к объективной истине) – к модели «сети», сетевому принципу организации знания. Модель развития, условно обозначенная «сеть» («сеть», «паутина» как способ бытия культуры), характеризуется тем, что *любая методология* (психологическая школа) *может стать ведущей* в зависимости от контекста и задачи исследования (центр подвижен, он может оказаться везде, в каждой точке) [Chew, 1968; Гусельцева, 2002, 2007]. (Названные модели изображены на рис. 1а–1б.)

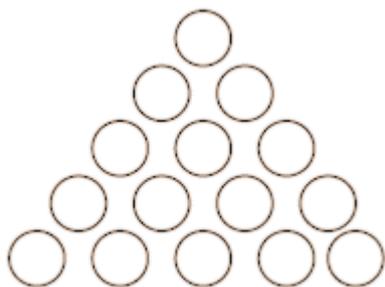


Рис. 1а. Модели развития научного знания (на материале психологии и истории): «Пирамида».

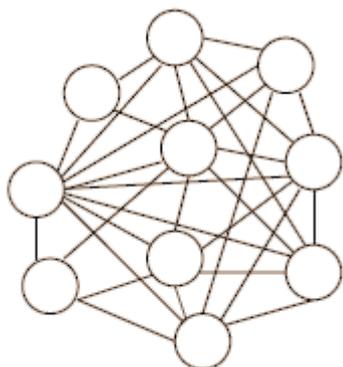


Рис. 1б. Модели развития научного знания (на материале психологии и истории): «Сеть».

В одной из работ отечественного философа В.С.Соловьева, автора концепции всеединства (чьи взгляды и сочинения заложили основы для гуманитарной традиции, как в российской философии, так и в психологии), была предложена модель развития: синкрет (всеединство) – дифференциация (индивидуализация) – синтез (всеединство). Если приложить эту модель развития к истории науки, то можно объяснить как стремление научных дисциплин к самостоятельности, так и их неумолимое движение к интеграции. Эти разные стадии истории науки – дифференциация и интеграция – впоследствии были отрефлексированы французской исследовательницей Э.Мецжер (Hélène Metzger) в работе 1918 г. «La genèse de la science des cristaux» (работы 1920-х годов «Les conceptions de la science» и «Les doctrines chimiques en France», к сожалению, до сих пор не переведены на русский язык; во время II Мировой войны Э.Мецжер трагически погибла в газовой камере фашистского лагеря). Замечу, что публикации Э.Мецжер сыграли важную роль для развития парадигмального анализа науки: так, известный американский историк науки Т.Кун приложил к истории физики общие выводы, полученные Э.Мецжер при изучении истории химии [Кун, 1977].

Тенденция к специализации и тенденция к универсальности находят свое выражение не только на разных стадиях эволюции научного знания, но и в разных ментальных типах исследователей. Появление в отечественной культуре начала XX века энциклопедистов, гуманистов и человековедов, таких как М.М.Бахтин, В.И.Вернадский, К.Н.Вентцель, С.Н.Дурылин, «первый постмодернист» Вяч.Иванов, П.Н.Сакулин, П.А.Флоренский и др., свидетельствовало о необходимости решения встающих перед наукой определенных исследовательских задач. Особую эвристичность междисциплинарного дискурса артикулировал именно М.М.Бахтин, отмечая необходимость для исследователя расширения «культурных горизонтов»: «При спецификаторских увлечениях игнорировали вопросы взаимосвязи и взаимозависимости различных областей культуры, часто забывали, что границы этих областей не абсолютны, что в различные эпохи они проводились по-разному, не учитывали, что как раз наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры происходит на границах отдельных областей ее, а не там и не тогда, когда эти области замыкаются в своей специфике» [Бахтин, 1978, с. 330]. Постнеклассическая же рациональность превращает роскошь избыточной энциклопедичности исследователя (широту его «культурных горизонтов») практически в императив. Заимствование одной наукой терминов и методологических средств анализа другой приводит к особой сетевой вязи и в индивидуальном творчестве: так, решаемая проблема создает в сознании исследователя некий вопрос, ответ на который он может получить, обратившись совершенно к другой исследовательской области.

В 1910–20-е гг. активно взаимодействовали между собой не только философия и психология, но и филология, история, этнография, литературоведение. Все это образовывало интеллектуальное пространство гуманитарных наук, границы между которыми становились все более подвижными и проницаемыми. В этом контексте ставились вопросы специфики гуманитарного познания, особой логики гуманитарных наук (на роль которой претендовала, например, герменевтика), коммуникации различных дисциплин.

Проблемы междисциплинарного сотрудничества решались как на теоретическом, так и на практическом уровне. В первом случае мы имеем дело, например, с методологией гуманитарного знания М.М.Бахтина, во втором – внимание следует направить на Государственную академию художественных наук.

ГАХН как модель междисциплинарной коммуникации

Российская академия художественных наук (РАХН) была организована 7 октября 1921 г. в Москве (а с 1925 г. переименована в Государственную академию художественных наук – ГАХН). Формально Академия принадлежала к Художественному отделу Главнауки Наркомпроса РСФСР, содержательно же перед ней стояла особая исследовательская задача – «всестороннее научное исследование вопросов искусства и художественной культуры, в частности, проблемы синтеза искусств». В структуре ГАХН существовало три отделения: физико-математическое (психологическое), философское и социологическое. В каждом из них существовали отдельные секции: литературная, музыкальная, театральная, секция изобразительных искусств, архитектурная, полиграфическая. Сама по себе структура ГАХН отличалась высокой лабильностью и изменчивостью: помимо секций организовывались экспериментальные лаборатории и создаваемые под определенные исследовательские задачи специальные комиссии; регулярно проводились научные обсуждения и семинары, устраивались доклады и дискуссии, велась также огромная работа по популяризации «художественных наук» и проникновения их в массы. Разные секции активно взаимодействовали между собой и проводили совместные заседания по отдельным проблемам, тем самым обеспечивая рассмотрение вопросов стереоскопически, с разных сторон и под меняющимися углами зрения. Среди сотрудников ГАХН было много выдающихся ученых, таких как А.В.Бакушинский, Г.О.Винокур, А.Г.Габричский, Б.А.Грифцов, Н.И.Жинкин, И.В.Жолтовский, А.А.Сидоров, Р.Р.Фальк и многие другие. В отдельных дискуссиях принимали участие Л.С.Выготский, А.Ф.Лосев, П.А.Флоренский. Регулярно с 1925 по 1928 гг. выходил «Бюллетень ГАХН» (номера 1–11), готовились к публикации научные статьи, хрестоматии, художественные альбомы и энциклопедические (терминологические) словари, активно публиковались также монографии сотрудников.

Так, Борис Александрович Грифцов (1885–1950), являвшийся выпускником философского отделения историко-филологического факультета Московского университета и известный как блестящий специалист по французской культуре, искусствовед, литературовед и переводчик, регулярно выступал в ГАХНе с докладами («О сюрреализме», «Психология писателя (Бальзак)», «Жанр современного французского романа», «Новшества французской стилистики», «Стиль Жироду», «Литературоведение во Франции 1922–1927 гг.»), переводил О.Бальзака, Г.Флобера, М.Пруста. В 1923 г. он выпустил монографию «Искусство Греции», примерно в это же время им была подготовлена и другая монография – «Психология писателя» (издана лишь в 1988 г.), а в 1927 г. Б.А.Грифцов опубликовал фундаментальное исследование «Теория романа».

В 1927 г. под эгидой ГАХН вышла работа Г.О.Винокура «Культура и биография». В данной работе автор задавался вопросом, насколько исследователь биографии вторгается в область психологии. Личная жизнь человека, утверждал автор, есть предмет междисциплинарный, и у психологии на него столько же прав, сколько и у биологии, физиологии, истории, литературы и т.п. Анализ биографии привел исследователя к постановке *проблемы междисциплинарного анализа*. «Личная жизнь... – это не психология или физиология, не сфера подсознательных представлений или биологическая конституция, а только то единство, неразрывное и всегда присутствующее, в каком вся эта мешанина наблюдений, фактов и догадок, вместе со всеми иными возможными, дана нам в истории. Если это и психология, то, во всяком случае, некая психология историческая, вернее – психологическая *история*. Если физиология, то снова только как физиологическая *история* и т.д.» [Винокур, 2007, с. 18–19].

Сведение же личной жизни во всей ее полноте к аспектам эстетическим, нравственным и бытовым есть редукция и упрощение.

История есть необходимый контекст развития личности, утверждал Г.О.Винокур. «Глубокую ошибку совершают поэтому те, кто изучение исторического предмета в его индивидуальности и конкретности думают подменить сооружением абстрактным схем движения и эволюции. Им приходится иметь дело с одними только функциями, ибо нет ничего, что движется и изменяется, а есть только то, что в движении возникает и рождается» [Там же. С. 23]. Чтобы изучить предмет в целостности, мы должны постичь его *структурно*. И здесь важно понять оригинальную мысль Г.О.Винокура, потому что привычные термины иногда искажают и затемняют смысл сказанного. Автор, пытаясь объяснить, что он имеет в виду, прибегает к образам: «Мы должны как бы рассеять его [предмет исследования – М.Г.] вдоль всей его глубины, чтобы увидеть, как внешнее переходит там во внутреннее и через какие сочленения форм совершается этот переход от наблюдаемого к уразумеваемому, от явления к его содержанию» [Там же. С. 24]. Как внешние исторические события превращаются во внутренние источники жизнестроительства? Какие аспекты социальной действительности становятся конкретно индивидуальной (уникальной) плотью биографии? Это вопросы не сторонние для психологии. Но психологии не индивидуальной, а культурно-исторической. «В биографии, если только не отождествлять ее с психологией, все внешнее есть *eo ipso* [тем самым (лат.) – М.Г.] непременно и внутренне, потому что здесь внешнее только *знак* внутреннего и вся биография вообще – только *внешнее выражение внутреннего*» [Там же. С. 26].

Г.О.Винокур не давал четкого названия собственному подходу, но его можно назвать и структурно-историческим, и культурно-аналитическим. Помимо постижения структурной связи для автора важны и динамические аспекты развития, но данные не абстрактно и универсально, а в конкретной плоти истории. «...Личность может быть узнана нами только в ее жизни» [Там же. С. 28]. Г.О.Винокур обратил внимание, что так называемые классификации личности по сути являются «квазитипологиями», потому что строятся «на основании психофизических и биологических наблюдений, а если заводят речь об истории, то не знают туда иного пути, как только через клинику» [Там же. С. 28]. Попытки соотнести «биопсихические характеристики разных типов личности» с социальными представляют собой механическое прилаживание одного к другому. Для проникновения во взаимопревращение психического и социального, психологического и исторического, внутреннего и внешнего необходим исторический метод и особый взгляд историка.

Особый интерес для нашей темы представляют соображения Г.О.Винокура о культурно-психологическом анализе и филологии как общей науке для гуманитарного познания. Г.О.Винокур размышлял о неправомерности переноса методологических идеалов естествознания в область гуманитарных исследований, где обобщение может быть типическим случаем, но никак не естественнонаучным законом. Не универсальный закон как регулятивный принцип, а стилистическая интерпретация имеет место в культурно-аналитическом исследовании. «Вся разница заключается в том, что когда мы говорим: "это должно быть" – с точки зрения стилистической интерпретации, то мы утверждаем это без малейшей претензии на то, что наше утверждение есть пророчество, а потому непременно исполнится: "это" может и не случиться, хотя бы ценой нарушения стиля, и тем не менее мы вправе утверждать, что оно "должно" было случиться» [Там же. С. 68]. Стиль же рассматривался Г.О.Винокуром как культурно-психологическая категория. «В стиле личная жизнь получает... своеобразное единство и индивидуальную цельность...» [Там же. С. 68–69].

Именно в названной книге Г.О.Винокур исследует филологический метод как метод междисциплинарный и называет филологию «энциклопедией наук». Филология предстает здесь как способ критики и интерпретации культурно-психологических феноменов. Филология лежит в основе связи различных дисциплин гуманитарного толка. Границы между ними весьма условны, и чем энциклопедичнее автор, тем более конструктивным становится решение научных проблем. Необходимо стремиться не к «твердым границам и шлагбаумам», а к «пунктам пересечения и совпадения интересов». К концу XX в. такая тенденция получила название *коммуникативной рациональности*.

Мотив написания данной работы Г.О.Винокур эксплицирует как утверждение междисциплинарности (и весьма популярной в наше время *толерантности*.) Предлагаемый автором способ исследования есть не эклектика, а именно сетевой подход, в котором динамическое целое конструируется из

коммуникации разных позиций и точек зрения. Проблема же изучения биографии возникает как раз на перекрестке культурно-исторического и психологического анализа, где такой способ исследования особенно актуален. Биография рассматривается автором как «внешнее выражение внутреннего», а исторические факты становятся событиями внутренней жизни человека лишь посредством переживания. Переживание же трактуется Г.О.Винокуром как *внутренняя форма* биографии (заметим, что здесь Г.О.Винокур развивает известные идеи Г.Г.Шпета). Переживание объективируется, находит выражение в художественном тексте, в поступке. Типичные переживания служат основой жизненного стиля человека. А личность творца, его жизненный стиль находят отражение не только в поступках, но и в структуре его произведения.

Книга Г.О.Винокура передает исторический контекст методологических поисков начала XX века. В этом контексте оказывается вполне логичным, что на одном из этапов развития концепции именно переживание рассматривалось Л.С.Выготским в качестве единицы изучения психики, и полифоническое звучание получает идея *от систем перейти к судьбам*. (Л.С.Выготскому была близка литературоведческая среда. Он великолепно ориентировался как в современных ему зарубежных исследованиях по психологии, так и в дискуссиях, которые вели отечественные гуманитарии.) Заметим также, что Г.О.Винокур, как и многие отечественные гуманитарии начала XX в., отличался эрудированностью и энциклопедичностью. Его метод – культурный анализ, филологическая критика – связан не с отрицанием, а с умножением смыслов. И это именно тот исследовательский подход, который оказался отрефлексируемым в постмодернистском дискурсе: не игнорировать, не бороться с идеями, а переинтерпретировать их в открывающихся и изменяющихся культурно-исторических контекстах, поместить в динамическую сеть знания [Гусельцева, 2008].

Культурно-психологический анализ как средство междисциплинарной коммуникации

Итак, одним из средств междисциплинарной коммуникации является культурно-аналитический подход и культурно-психологический анализ. Предметом изучения в рамках данного подхода выступает широкий класс взаимосвязанных феноменов и реальностей, разворачивающихся в системе координат: практика – психика – культура. Как правило, здесь мы имеем дело с междисциплинарными исследованиями, общим для которых является анализ психики в разных исследовательских контекстах. Культурно-психологический анализ – широкое понятие, вмещающее в себя семиотический анализ, историко-генетический анализ, структурный анализ, функциональный анализ, рефлексивный анализ. Данное понятие ухватывает рефлексии взаимопревращения трех реальностей – практики, психики и культуры, и позволяет на этом основании связать междисциплинарные фрагменты, исследующие связи между вышеназванными реальностями. Анализ предстает здесь подобно работе детектива, когда отдельные и до определенного момента как бы случайные истории складываются в понятный сюжет.

Виртуозом культурно-психологического анализа предстает Михаил Михайлович Бахтин (1895–1973) – отечественный философ, филолог, историк культуры, разработчик методологии гуманитарного знания. На наш взгляд, именно реальность культурно-психологического анализа он пытался ухватить словами, когда, предваряя труд «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках», писал: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование). Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [Бахтин, 1977, с. 281]. М.М.Бахтин разрабатывал не просто методологию гуманитарных наук, но и методологию междисциплинарных исследований (как и французская историческая школа «Анналов», зарождающаяся в 1920-е гг., как и тартуско-московская семиотическая школа, объединявшая исследования под эгидой семиотики в 1960-е). Наряду со свободной игрой разнообразными исследовательскими приемами и подходами, М.М.Бахтин доказывал, что наиболее интенсивно науки развиваются на границах своих дисциплинарных областей, а культурно-психологические феномены могут неожиданно раскрывать «смысловые глубины» в интерпретации последующих эпох.

Идеи сетевой организации знания и культурно-психологического анализа мы обнаруживаем и в творчестве П.А.Флоренского (1882–1937). Сетевой стиль мышления и изложения претворился прежде всего в сочинении «У водоразделов мысли», которое П.А.Флоренский характеризует как соцветие «лишь намечаемых» вопросов, связанных между собой «не логическими схемами, но музыкальными переключками, созвучиями и повторениями» [Флоренский, 1990, с. 26]. Строение мысленной ткани здесь – «не линейное, не цепью, а сетчатое... так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, в любой... последовательности, мы возвращаемся к ней же» [Флоренский, 1990, с. 26]. Сетчатая ткань мысли дает намеки, которые надо еще прозреть, но именно в мысленных средоточиях содержатся творческие возможности. Неожиданно «открываются новые подходы от средоточия к средоточию, уже закрепленные сетью, но без ясного намерения автора» [Флоренский, 1990, с. 27]. «Ритмика» сетевой мысли «многообразна и сложна множественностью своих подходов; но во всех дышит *одно* дыхание: это – синархия» [Там же. С. 30].

В 1920-е гг. П.А.Флоренский читал студентам Духовной академии курс «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания», и одним из неосуществленных им проектов осталась философская антропология (опубликованы отдельные заметки). В контексте философской антропологии П.А.Флоренский развивал идеи о трех «оптиках»: с точки зрения онтологии «метафизика производит психологию»; с точки зрения психологии «психология определяет наши метафизические построения»; с точки зрения символического «метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику» [Там же. С. 34].

Одним из первых Флоренский предложил анализ личности и культуры как единого, но динамичного (взаимоперетекающего) целого (в 1960-е годы в отечественной психологии отчасти сходные методологические идеи разрабатывал С.Л.Рубинштейн в труде «Человек и мир»). Иными словами, не будучи означенным таковым (как, например, подход Л.С.Выготского), подход П.А.Флоренского, по сути, был и культурно-историческим, и культурно-психологическим, и культурно-аналитическим.

В сочинении «Наука как символическое описание» П.А.Флоренский исследовал интеллектуальные стили и критерии научного знания. Наука представляла для него как искусственное образование. Наука в решении специальных задач с неизбежностью схематична и консервативна в своем схематизме. Однако «жизнь тащит на поводу упирающуюся науку... История науки – не разматывание клубка, не развитие, не эволюция, а ряд больших и малых потрясений, разрушений, переворотов, взрывов, катастроф» [Там же. С. 127]. «Всякий раз и непрерывно самая жизнь сбивает науку с занятой позиции и обнаруживает – как бедность очерченной области, так и принужденную искусственность избранной точки зрения» [Там же. С. 127]. Исследуемая реальность включена в сетевые связи и упруга, она «требует с нашей стороны *усилия*, чтобы были завязаны с нею новые связи...» Орудия, позволяющие творить такие связи, – это символы. «Они суть органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем – слышим ее; символы – это отверстия, пробитые в нашей субъективности... Символы не укладываются на плоскости рассудка, структура их насквозь антиномична» [Там же. С. 344]. Именно в символе сохраняется многообразие жизненных отношений. «Связующие отношения тут многократны, жизненно-органичны», экзистенциально сложны, тогда как рациональные связи – формальны, схематичны.

Таким образом, жизнь предстает как единство движения: от человека – к культуре, от культуры – к человеку (круговой процесс развития). Любое описание носит символический характер. «Как буквы и их сочетания в анализе суть мысленные подстановки вместо явлений, но отнюдь не их метафизические сущности, так и в механических моделях опять-таки должно видеть не более как символы, в некотором отношении лишь, но вовсе не всеми своими сторонами, могущие заменить соответственные явления» [Там же. С. 119]. Для постижения полноты феномена в культурно-аналитическом подходе и культурно-психологическом анализе мы можем пользоваться и противоречивыми взаимно моделями, играть ими – это соответствует живому, струящемуся характеру мышления.

Культурно-психологический анализ в психологии и смежных науках предстает как феномен, предлагающий системообразующее основание для междисциплинарных контактов психологии и целого ряда наук. Культурно-психологический анализ есть в данном случае то, что объединяет

разнообразные исследования, связанные с именами Л.Февра и М.Блока, П.М.Бицилли и А.Я.Гуревича, М.М.Бахтина и А.А.Потебни, Г.Г.Шпета и В.Дильтея и т.д. Он выступает методологическим средством для интеграции фрагментов культурно-психологического знания, рассеянных по сферам разных наук, потому что задает стереоскопическую систему координат, позволяющую соотнести между собой феноменологический «хаос» разношерстных эмпирических исследований. Более того, вполне в духе времени культурно-психологический анализ выступает в качестве средства, выводящего психологию за пределы собственных дисциплинарных границ в пространство междисциплинарных коммуникаций. Культурно-психологический анализ является инструментом, позволяющим «играть» разными дисциплинарными дискурсами.

Однако какое значение междисциплинарные поиски 1910–1920-х годов имеют для психологии?

Психология как онтологически и гносеологически сложная наука, требующая для развития именно междисциплинарного дискурса

История психологии свидетельствует о конфликтном статусе психологии – делении ее на эмпирическую и рациональную, индивидуальную и коллективную, описательную и объяснительную, экспериментальную и культурную, субъективную и объективную. Данная феноменология, в свою очередь, есть свидетельство специфики психологического знания, а именно: стереоскопичности, онтологической и гносеологической (экзистенциальной и рефлексивной) сложности науки. В работе 1872 г. «Задачи психологии» отечественный историк и философ (а также правовед, социолог и публицист, один из мастеров междисциплинарного анализа) Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) охарактеризовал психологию как *завершающую науку* (в том смысле, что для ее успешного развития должен быть наработан опыт смежных областей знания – в этнографии, истории культуры, антропологии и т.п.).

И естественные, и гуманитарные науки, согласно К.Д.Кавелину, основывают свои выводы на *аналитическом методе*. Но они различаются тем, что естественные науки «имеют дело с впечатлениями, непосредственно получаемыми от физического мира», а гуманитарные науки – «с впечатлениями, получаемыми от внешних следов психической жизни и деятельности» [Кавелин, 1897, с. 24]. Психология – специфическая наука, потому что материалом для нее служат наработки «истории верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, наук, философии, культуры» [Там же. С. 24]. К.Д.Кавелин подчеркивал, что качество культурно-психологических исследований связано с совершенством материала смежных наук. «Сравнивая однородные явления у разных народов и у одного и того же народа в различные эпохи его исторической жизни, мы узнаем, как эти явления изменялись, и подмечаем законы таких изменений, которые, в свою очередь, служат материалом для исследования законов психической жизни и деятельности. Все науки готовят, таким образом, материал для психологии, и от степени совершенства его выработки зависит большая или меньшая положительность психологических исследований» [Там же. С. 24]. Эти рассуждения позволяют понять, почему, например, культурная психология в качестве науки возникает лишь на определенном этапе развития гуманитарного знания. Мы постигаем зависимость психологии от развития самих гуманитарных наук, от накопленного ими знания и освоенных методологических процедур. Культурная психология возможна как поздняя, завершающая наука, и в этом смысле она сходна с герменевтикой, с культурологией – со знанием, которое оформляется в дисциплины лишь в XX веке.

В контексте взаимовлияния французских и российских исследований начала XX века уместно вспомнить историка и социолога (а также методолога, публициста, специалиста по французской культуре и еще одного представителя междисциплинарного анализа) Николая Ивановича Кареева (1850–1931), посвятившего ряд аналитических работ французским историкам XIX – начала XX века. Как и многие другие представители гуманитарного знания в данную эпоху, он писал о необходимости коммуникации психологии и истории. Н.И.Кареев также отмечал, что «...сознательно сделанные попытки основания коллективной психологии (Völkerpsychologie Лацаруса и Штейнталя, Psychologie der Gesellschaft Линднера и т.п.) не дали пока никаких важных – по крайней мере для теории истории – результатов...» [Кареев, 1899, с. 285], поскольку предметом исследования здесь продолжали

оставаться индивидуальные психические процессы. Психологи, исследуя зависимость духа от тела, упускают «из виду зависимость одного духа от другого духа», что составляет «причинность в делах человеческих». Н.И.Кареев полагал, что препятствием для коллективной психологии служит отсутствие психологической «теории причинности», «...дело значительно подвинулось вперед, если бы на помощь психологам явилась теория исторического процесса...» [Кареев, 1899, с. 289–290].

Именно в 1910–1920 гг. в психологии возникла уникальная ситуация для воплощения вышеназванных прогнозов и реальной коммуникации с историческими науками. Проблемой психологии начала XX века явилось то, что в ней оказалась лучше развита естественнонаучная сторона и практически не разработана гуманитарная. Именно поэтому междисциплинарное сотрудничество психологии с философией, филологией, этнографией, литературоведением и т.д. могло привести ее к методологическому прорыву. Эта работа саморефлексии отечественной психологии, начатая в 1910–1920 гг., прервалась и была продолжена лишь в конце XX века (когда, с одной стороны, оказались востребованы работы М.М.Бахтина, Г.О.Винокура, П.А.Флоренского, Г.Г.Шпета и других, а с другой стороны, наладились контакты психологии со смежными областями знания – историей, социологией, антропологией и т.д.).

В наибольшей степени разработка гуманитарно ориентированной психологии была осуществлена в работах Г.Г.Шпета «Один путь психологии и куда он ведет» и «Введение в этнопсихологию». В этих его работах отечественная культурная психология получила и методологическое обоснование. В 1920-е гг. им был создан при историко-филологическом факультете Московского университета кабинет этнической и социальной психологии. Этническая психология виделась Г.Г.Шпету как описательная наука, а ее предметом должны были стать *коллективные переживания*. Индивид изначально коллективен, писал Г.Г.Шпет, а исторические общества людей отличаются друг от друга своим отношением к окружающему миру; эти отношения и есть объективное выражение «духа», или «души», или «характера» народа. Исследование является объективным, если психология изучает продукты культурного творчества как психические процессы.

В работе «Один путь психологии и куда он ведет», вышедшей в 1911 г. в сборнике статей, посвященном творчеству Л.М.Лопатина (в работе, заметим, также созвучной «Историческому смыслу психологического кризиса» Л.С.Выготского), Г.Г.Шпет проанализировал методологическую ситуацию, сложившуюся в современной ему психологии, и предложил свой путь выхода из кризиса. Диагноз, поставленный науке Г.Г.Шпетом, носил название «*логизм в психологии*». «Живое, яркое, блестящее красками и непрерывными переменами содержание душевной жизни начинает представляться как последовательно расположенный ряд тусклых, резко только очерченных, китайских теней. За абстрактными схемами нашей психологии не видать жизни нашей души» [Шпет, 1996, с. 32].

Поскольку этническая психология сопоставлялась Г.Г.Шпетом, с одной стороны, с психологией, а с другой – с науками о культуре, с историей, этнологией и т.д., то в этой логике междисциплинарный дискурс оказывался неизбежен. Но его нельзя было достичь механическим сложением разных наук, как это делали, например, В.Вундт или Г.Мюнстерберг (складывая социальную психологию и социальную физиологию).

Взаимосвязь психического и культурного, психического и исторического была характерна в целом для интеллектуального стиля начала XX в. В 1909 г. философ и психолог, организатор Психологического института, талантливый лектор и автор ряда фундаментальных трудов и учебников («Проблемы восприятия пространства», «Мозг и душа», «Учебник логики») Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) писал: «Я утверждаю, что психическое, в какой бы то ни было дозе, является одним из факторов исторического процесса» [Челпанов, 1926, 39–40].

В речи при открытии психологического института в 1914 г. Г.И.Челпанов отмечал, что психология, с одной стороны, распадается на не связанные друг с другом фрагменты, утрачивая единство, а, с другой стороны, многое из того, чем занимается психология, рассыпано в других дисциплинах. Путем предотвращения такого распада Г.И.Челпанов видел создание Психологического института, который сохранит единство науки под эгидой общей психологии. Заметим, что это было весьма оригинальное решение проблемы единства психологии: Г.И.Челпанов вышел из теоретической плоскости, где проблема явно не решалась, в коммуникативное (организационное) пространство.

Культурная психология на рубеже XIX-XX вв. имела два источника развития – движение от психологии к культурно-историческим междисциплинарным исследованиям, с одной стороны, и движение от гуманитарных наук, наук о человеке и о культуре к психологическим исследованиям, с другой. В большей степени в отечественной традиции оказалось реализованным второе предприятие (достаточно вспомнить работы А.Я.Гуревича, И.С.Кона, Ю.М.Лотмана, Б.Ф.Поршнева и др.). В связи с чем, когда мы реконструируем сегодня источники и предпосылки развития культурно-исторической методологии, то находим их не столько в психологии, сколько в смежных науках [Гусельцева, 2003, 2007, 2008, 2009]. Более того, показательно, что некоторые «современные» темы, обсуждаемые в контексте постмодернизма, истории повседневности, культурологии, разрабатывались отечественными гуманитариями в конце XIX – начале XX вв. Работы М.М.Бахтина, Г.О.Винокура, К.Д.Кавелина, А.А.Потебни, Г.Г.Шпета, петербургской школы медиевистов во главе с И.М.Гревсом, Л.П.Карсавина, Н.И.Кареева, Н.В.Теплова, Г.И.Маркелова и других могут быть эксплицированы в качестве источников герменевтической парадигмы в психологии, а культурная психология, строящаяся на методологическом фундаменте междисциплинарности и коммуникативной рациональности, имеет исторический шанс преодолеть разрыв между прошлым и настоящим и соединить разорванные связи отдельных культурно-психологических подходов, эскизно набросанных в начале XX века.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321 а/фр.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Винокур Г.О. Биография и культура. М.: ЛИК, 2007.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. N 1. С. 99–115.

Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.

Гусельцева М.С. Анализ биографии как культурно-психологическая проблема // Вопросы психологии. 2008. N 4. С. 158–162.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии гуманитарных исследований // Вопросы психологии. 2009. N 5. С. 16–26.

Кавелин К.Д. Задачи психологии. СПб., 1872.

Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Флоренский П.А. Пути и средоточия // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 26–33.

Челпанов Г.И. Социальная психология или «условные рефлексы». Петроград: Время, 1926.

Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.: Изд-во ИПП; Воронеж: Модэк, 1996.

Chew G.F. "Bootstrap": A Scientific Idea? // Science. 1968. Vol. 161.

Hunt L. French History in the Last Twenty Years: The Rise and Fall of Annales Paradigm // J. of Contemporary History. 1986. Vol. 21. P. 209–224.

Поступила в редакцию 8 июля 2009 г. Дата публикации: 26 октября 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в практике междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7).
URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)